

УДК 316.7

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ¹

Ваккасова М.В.

В данной статье рассматривается изменение значения понятия культурной безопасности в рамках Парижской школы. Безопасность является одной из базовых потребностей человека, поэтому усложнение ситуации с Чужим в рамках процессов глобализации делает необходимым определение термина «культурная безопасность». Окончание холодной войны привело к транснациональным процессам, которые, по мнению французского политолога Дидье Биго, породили атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись временными и исключительными, стали применяться постоянно. Данная точка зрения привела к пересмотру понятия культурной безопасности и возникновению нового направления в рамках критических исследований. Целью статьи является анализ специфики основных направлений исследования понятий «безопасность» и «культурная безопасность» в работах представителей Парижской научной школы. В результате исследования были выявлены основные подходы к определению понятия «культурная безопасность» и его изучению.

Ключевые слова: *безопасность, культурная безопасность, иммиграция, идентичность, Парижская школа безопасности.*

Введение

Долгое время понятие «безопасность» ассоциировалось, в основном, с военной угрозой и изучалось, преимущественно, с точки зрения политики. Сегодня, по выражению А.В.Торкунова, происходят существенные изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, что ведет к изменению значений таких, отражавших основы международных отношений, понятий как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти» [16].

Изменения в системе международных отношений после окончания «холодной войны», усиление глобализации, возникновение новых угроз и вызовов обусловили

---

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

появление новых теоретических подходов к осмыслению безопасности. Альтернативу традиционному пониманию данного концепта представляют положения так называемых «критических исследований» (critical security studies). В Европе, с известными оговорками, данный подход разделяют три научные школы: Уэльская, Копенгагенская и Парижская.

Сторонники нового направления существенно расширяют рамки безопасности (включая в это понятие помимо военной также экологическую, экономическую, политическую и общественную), а в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы и даже биосферу.

Исследуемая нами в данной статье Парижская школа безопасности была основана на работах французского политолога Дидье Биго, который, в свою очередь, считал, что окончание холодной войны привело не к новому мировому порядку, а к возникновению эры беспорядка – распространению международного терроризма. По мнению Биго, война с терроризмом породила атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись временными и исключительными, стали применяться постоянно [7].

Подвергая критике определение секьютеризации как риторической структуры, исследователь предлагает рассматривать данное понятие с точки зрения постоянного, каждодневного взаимодействия представителей органов власти различных стран в области столкновения их интересов и возможной конкуренции в погоне за ресурсами [5]. Данный подход совершенно противоположен точке зрения сторонников Копенгагенской школы, для которых секьютеризация является результатом успешного публичного акта.

Стирая разделения между внутренними и внешними аспектами, Биго и его последователи трактуют безопасность как процесс «секьюритизации или инсекьюритизации границ, идентичностей и представлений о порядке», а образ «нового врага» политолог видит в лице угрозы с Юга и иммиграции [7].

Представители Парижской школы отмечают неразрывный парадокс в отношении личной инсекьюритизации, которая в равной степени угрожает и, в то же время, зависит от государства. Так, Й. Хейсманс выражает мнение о том, что «безопасность многих людей на планете более под угрозой недостатков их правительства, чем от наполеоновских амбиций своих соседей» [12]. Сам Дидье Биго вводит понятие «профессионалов безопасности» – сотрудников полиции, таможни, судей, военных и дипломатов, из практики которых и формируется континуум безопасности. В зависимости от отношения власти и принятых ею мер формируется наличие и отсутствие безопасности [6].

Кроме того, Биго и его последователи уделяют внимание такому понятию, как «континуум безопасности» – системе представлений о тесной взаимосвязи между такими угрозами как нелегальная иммиграция, организованная преступность, наркоторговля и терроризм [5]. Важно отметить, что тема иммиграции рассматривается Д.Биго как метапроблема, объединяющая в себе преступность, шпионаж, безработицу и экономический кризис, влияние на национальную идентичность, угрозу культурной безопасности.

Подходы к культурной безопасности

Термин «культурная безопасность» появился в связи с возникшей в 60-70-е годы XX века идеей глобализации, а также переосмыслением проблемы взаимоотношений с Другим/Чужим. Современная концепция данного понятия зародилась в 1988 году на ежегодной конференции медсестер народа Маори в Новой Зеландии и описана в рекомендации «Совета по Уходу в Новой Зеландии» (Nursing Council of New Zealand) [15]. Культурная безопасность (cultural safety) понималась как деятельность, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выразить свою идентичность, идет навстречу их культурным нуждам. Интересен факт, что «культурно небезопасным», по определению Nursing Council of New Zealand, является любое действие, которое подрывает культурную самобытность и благополучие отдельного индивида [9].

Неоценимый вклад в развитие данной концепции внес П.Будье, исследуя безопасность культурного пространства и тиражируя понятие «культурного капитала», понимая под ним накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене [13].

Чаще всего, по мнению Бурдые, в культурный капитал превращаются такие элементы культуры, как язык, знания, навыки, опыт, квалификация, самые разнообразные знаки и символы, традиции, устойчивые нормы, ценности [13]. Основываясь на данном понятии и рассматривая культуру как знаковый код, в котором каждый индивид представляет региональные и национальные, профессиональные и социально-классовые культуры, Биго определяет культурную безопасность как «способность социума поддерживать его уникальный характер в меняющихся условиях или присутствии потенциальных миграций. Более всего это относится к устойчивости необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в общем» [7]. В частности, культурная небезопасность может проявляться как в массовом импорте чужой материальной культуры, так и в интеграции общества или массовом потоке беженцев.

Биго подчеркивает, что сам термин безопасность используется в различных сферах, от социологии до криминалистики. При этом, в каждом из направлений используются не только различные методы, но и разные трактовки данного термина. Поиск наиболее точного определения, которое будет охватывать существенное значение понятия, будет, по выражению самого политолога, напоминать отрывки из поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» [6].

Большинство исследователей международной безопасности не уделяли внимание антропологии и культурологии, за исключением представителей структурализма, которые обращали внимание на историко-социологические процессы. Конечно, некоторые авторы могут с удовольствием изучить этнографические описания для того, чтобы получить один или два примера, являющиеся, на их взгляд, существенными. Однако, в таких случаях они отказываются принимать во внимание основные принципы антропологических исследований. Дидье Биго, развивая свою концепцию безопасности, говорит о

необходимости применения подобных методов для нахождения различий между двумя наборами культурных кодов и выдвижения гипотез о потенциальной опасности одного кода для другого [6].

Этой же точки зрения придерживается другой исследователь безопасности Ксавье Гийом, который, кроме того, уделяет особое внимание деталям повседневной и культурной жизни, видя в них центральное значение для понимания процесса безопасности [10, с.136-149].

Л.Буве, основываясь на концепции секьюризации Биго, предлагает рассматривать понятие культурной безопасности в двух направлениях. С одной стороны, это экономический и социальный вопрос, который предусматривает связь между культурной безопасностью и социально-экономическим кризисом. Буве видит в наплыве мигрантов основную угрозу вывода населения из состояния эксплуатации. С другой, по его мнению, необходимо изучение секьюризации в рамках проблемы «Своего» и «Чужого» [11, с.83-118].

Задаваясь вопросом «Кто выигрывает от глобализации и европейской интеграции?» Люсьен Буве пересматривает понятие идентичности и изучает культурные вопросы, связанные с иммиграцией и теми изменениями, которые она приносит в образ жизни народа.

Интересен социально-экономический подход, применяемый Буве к исследованию культурной безопасности. Согласно его мнению, степень культурной небезопасности индивида определяется разницей между «верхом» и «низом» общества [11, с.193-215]. Так, человек, живущий в бедном районе, более доступен для большинства иммигрантов, более всего подвержен влиянию культуры со стороны другого народа. Необходимо отметить, что основную угрозу культурной безопасности и Биго и Буве видят в глобализации, воспринимая данный процесс с точки зрения исчезновения границ и давления миграции.

О влиянии глобализации на инсекьюризацию заявил и антрополог Арджун Аппадурай, вопрос о принадлежности которого к Парижской школе является спорным – он более известен разработкой теории воображаемых ландшафтов (*imaginary landscapes*), чем исследованиями в сфере безопасности [11, с.23-24]. Аппадурай утверждает, что глобализация приводит к возникновению страха у большинства стать меньшинствами, – как в социально-экономическом, так и в культурном планах [с.367-416].

Но наиболее существенный вклад по данному вопросу внес один из самых ярких представителей Парижской школы безопасности – Б.Бади. Профессор института политических исследований выделяет три признака глобализации: во-первых, закономерный исторический процесс, развивающийся на протяжении многих веков; во-вторых, жизнь по единым принципам, ценностям, нормам поведения, гомогенизация мира и стремление к универсализации мира; наконец – размывание национальных границ [4, с.37-62]. Бади склонен считать, что такая тенденция приведет к «подрыву, разрушению национального государственного суверенитета под напором действий новых акторов общепланетарной системы, которые взаимодействуют на равных основаниях с государствами и друг с другом» [4, с.83].

Развивая свою теорию, в середине 90-х годов XX века Бади выдвигает теорию «конца территории», суть которой в том, что территория как базовая категория политической реальности исчезает из-за глобализации и окончания холодной войны, разрушившего систему биполярности [с.102-108]. Иначе говоря, изымается значительная часть территориальной идентичности, пространство освобождается от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологического феномена. Главное действующее лицо этой теории – свободный от национально-ментального фона индивид.

Интересен факт, что для Бади «размытие границ» – это, прежде всего, увеличение объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, ведущее к формированию мирового рынка товаров и услуг и трансграничное взаимодействие. Дидье Биго, в свою очередь, видит в ослаблении роли границ становление более жестких барьеров между этническими, расовыми и другими группами, что ведет к осложнению межэтнических отношений и возникновению новых угроз.

В то же время, возводя глобализацию в статус одной из главных угроз безопасности, сторонники Парижской школы подчеркивают, что безопасность, сама по себе, никогда не бывает абсолютной, вне зависимости от сферы охвата. Огромное полотно сигнификаций безопасности в рамках различных сфер знания вызывают ложные представления о данном понятии, поэтому, в связи с тем, что до сих пор, по мнению Биго, нет универсального определения безопасности, исследователем было предложено рассматривать данное понятие как двоякую структуру по типу «Инь» и «Янь» или «Ленты Мебиуса» [8]. Биго считает, что при таком рассмотрении термина становится ясным, что при любой трактовке неизбежна неуверенность даже внутри безопасности, т.е. рост безопасности не всегда ведет к уменьшению чувства незащищенности, чем больше безопасности, тем сильнее ограничивается свобода.

Заключение

В процессе исследования культурной безопасности мы выделяем базовые подходы. Так, основываясь на исследованиях миграционной политики через дискурсивный подход, Биго определяет культурную безопасность посредством культурного кода, а именно – способностью поддерживать свою уникальность под влиянием другой культуры, уделяя внимание присутствию иммиграции.

Акцент на повседневной жизни общества делает Ксавье Гийо, для которого культурная безопасность – это сохранение привычного для индивида уклада в его бытовой жизни в меняющемся мире.

Социально-экономический подход Буве рассматривает культурную безопасность через вопросы, связанные с иммиграцией и изменениями, которые она приносит в образ жизни народа. Нужно сказать, что Буве впервые выделяет понятие «степень культурной небезопасности», под которым понимается уровень влияния иммиграции на индивида в зависимости от его социально-экономического положения.

Схоже с дискурсивным подходом Биго направление исследований Б.Бади, который вводит понятие «конца территории». Глобализация и размывание границ, к которому она ведет, приводит к тому, что пространство освобождается от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологического феномена. Бади подчеркивает, что такой процесс ведет к потере идентичности, к возникновению свободного от национально-ментального фона индивида.

Таким образом, концепт культурной безопасности рассматривается представителями Парижской школы в рамках транснациональных процессов, возникших после окончания «холодной войны». Наблюдая в иммиграции основную угрозу как для индивида, так и для общества в целом, Биго и его сторонники рассматривают иммигранта как основной объект секьюризации, подразумевая при этом каждодневную деятельность государственной власти [5]. Кроме того, отличительной чертой концепции Парижской школы является рассмотрение в качестве субъекта «профессионалов безопасности», распространяя свои воззрения на Еврокомиссию и Совет ЕС [8].

Список литературы

1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. – 229 p.
2. Appadurai Arjun. *Condition de L'homme Global*. Paris: Payot, 2013. – 421 p.
3. Badie B. «Le jeu triangulaire», in Birnbau P.(dir.), *Sociologie des nationalisms*. Paris: Presses universitaires de France, 1997.
4. Badie B., Smouts M. – C. *Le Retournement du monde*. Sociologie de la scene internationale. Paris: RFNSP et Dalloz, 1995.
5. Bigo D. "Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques." *Cultures&Conflits*. 1992. №8. P.3-14.
6. Bigo D. "Les Jeux du Politique et de la Transnationalité." *Cultures & Conflits*. 1992. №5. P.20-21.
7. Bigo D. "Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference)." // *Cultures & Conflits*. 1997. №5. P.23-27.
8. Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." *Alternatives // Culture&Conflits*. 2002. №27. P.63-92.
9. Bouteillet-Paquet D. *Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States // European Journal of Migration and Law*. 2003. Vol. 5, issue 3. P.359-377.
10. Bouvie L. *L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français*. Fayard, 2015.
11. Guillaume Xavier, and Jef Huysmans. *Citizenship and Security: the Constitution of Political Being*, PRIO new security studies.
12. Huysmans J. *The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38, №5. P.751-777.
13. Бурдые П. *Формы капитала // Экономическая социология*. 2002. – Т. 3. – № 5.
14. Романова А.П., Мармилова В.О. *Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек, сообщество, управление: Науч.-информ. Журнал*. – 2008. – № 2.
15. Романова А.П. *Культурная безопасность и страх перед чужим // Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2013. – № 2 (35). – С.228-237.
16. *Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова*. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с.

Vakkasova M.V. Problems of Cultural Safety in the Research of Parisian School // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 14-20.

This article is concerned with the change of the notion of cultural safety in the framework of Paris School. Safety is one of the basic human needs, that is why with the processes of globalization it is taken into account as the complication of the situation with the Stranger makes it necessary to define the term «cultural safety». The end of the Cold War stimulated the transnational processes that, according to French political scientist Didier Bigo, created the atmosphere of fear and instability, and the safety measures, which were considered temporary and exceptional, started to be adopted constantly. This standpoint made scholars to review the notion of cultural safety and boosted the appearance of the whole new trend within the framework of critical research. The aim of this article is to analyse the specific character of basic trends in research of the notions «safety» and «cultural safety» in the works of the representatives of Parisian Scientific School. The study identified the main approaches to the definition of "cultural security" and his research.

Keywords: security, cultural security, immigration, identity, Paris School of safety.

References

1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. - Minneapolis, 1996. 229 p.
2. Appadurai Arjun. *Condition de L'homme Global*. – Paris: Payot, 2013. 421 p.
3. Badie B. «Le jeu triangulaire», in Birnbau P.(dir.), *Sociologie des nationalisms*. – Paris: Presses universitaires de France, 1997.
4. Badie B., Smouts M. – C. *Le Retournement du monde. Sociologie de la scene internationale*. – Paris: RFNSP et Dalloz, 1995.
5. Bigo D. "Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques." *Cultures&Conflits*.1992. №8.P.3-14.
6. Bigo D. "Les Jeux du Politique et de la Transnationalité." *Cultures & Conflits*. 1992. №5. P.20-21.
7. Bigo D. "Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference). // *Cultures & Conflits*. 1997. №5. P.23-27.
8. Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." *Alternatives // Culture&Conflits*. 2002. №27. P.63-92.
9. Bouteillet-Paquet D. *Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States // European Journal of Migration and Law*. 2003. Vol. 5, issue 3. P.359-377.
10. Bouvie L. *L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français*. – Fayard, 2015.
11. Guillaume Xavier, and Jef Huysmans. *Citizenship and Security: the Constitution of Political Being, PRIO new security studies*.
12. Huysmans J. *The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38, №5. P.751-777.
13. Bourdieu P. *The Forms of Capital // Economic sociology*. 2002. Vol. 3. № 5.
14. Romanova A.P., Marmilova V.O. *Cultural Safety as the Most Important Factor of National // Individual. Community. Management: Scientific and information journal*. – 2008. – № 2.
15. Romanova A.P. *Cultural Safety and Fear of the Stranger // The Caspian Sea region: politics, economy, culture*. – 2013. – № 2 (35). – p. 228-237.
16. *Modern International Relations. Text book / edited by A.V. Torkunova – M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN publishing house), 1999. – 584 p.*